

Пятая стража. Ночь медленно отступала, уступая место едва брезжащему рассвету, но покои будущего императора все еще были ярко озарены светом множества фонарей. Придворные евнухи и служанки сновали по огромному дворцу, и на лицах их играла радость. Сегодня был великий день – восшествие Его Величества на престол. Почти месяц вся императорская челядь – четыре ведомства, восемь управлений и двенадцать надзорных органов внутреннего двора – готовилась к этому событию. С третьей стражи во дворце кипела работа, и даже самые тихие и пустынные его уголки ожили, наполнившись суетой и теплом человеческого присутствия.

Инь Чэньюй стоял перед бронзовым зеркалом в полный рост.

В его глади отражалась стройная фигура юноши, облаченного в светло-желтые нижние одежды. Широкие плечи, тонкий стан, черные как смоль волосы и белоснежная кожа. Во взгляде его миндалевидных глаз сквозило природное благородство.

Он долго и пристально разглядывал свой узкий силуэт в зеркале, и уголки его губ тронула легкая улыбка. Но вот позади послышались негромкие шаги, и в зеркале отразилась еще одна фигура, в темно-красном. Улыбка тут же исчезла с лица юноши.

Сюэ Шу, облаченный в алый халат с узором питона, приблизился сзади, держа в руках императорскую корону. В зеркале светло-желтое и алое одеяния сплелись воедино. Голос евнуха прозвучал доверительно:

— Позвольте Вашему слуге помочь одеться.

Инь Чэньюй мельком взглянул на него в зеркало, затем опустил ресницы и покорно раскинул руки, позволяя евнуху действовать.

Верхнее платье, нижняя юбка, наколенник... Сюэ Шу тщательно облачал его во все слои одеяния. Наконец он взял с подноса пояс из белого нефрита, обошел Инь Чэньюя сзади и, продев руки под мышками принца, словно обнимая, охватил его талию. Длинные ловкие пальцы застегнули нефритовую пряжку.

Пряжка тихо щелкнула, но Сюэ Шу не отступил. Напротив, его руки крепче обвили тонкий стан, притягивая Инь Чэньюя в объятия.

— Поздравляю Ваше Величество, – прошептал он, положив подбородок на плечо принца, – вы наконец добились желаемого. — Теплое дыхание коснулось чувствительной кожи на шее, вызвав у Инь Чэньюя дрожь. — В столь радостный день, не позволит ли Ваше Величество и мне исполнить одно сокровенное желание?

Резкий, присущий евнухам голос был намеренно понижен. В теплом свете свечей их сплетенные фигуры, казалось, были окутаны нежностью.

Инь Чэньюй поднял глаза, встречаясь с ним взглядом в зеркале:

— Чиновник Бюро и так уступает лишь одному, но стоит над мириадами. Какое же желание еще не исполнено?

У самого уха раздался тихий смешок, руки на талии сжались крепче. Сюэ Шу коснулся кончиком носа мочки уха принца и, словно шепчущий влюбленный, проговорил:

— Ваше Величество прекрасно знает, чего желает этот слуга. — Сказав это, он провел носом вдоль линии уха, задержавшись на шее.

Это движение было им обоим хорошо знакомо. Еще немного, и Сюэ Шу пустил бы в ход губы и зубы.

Инь Чэньюй на миг закрыл глаза, отгоняя неуместные соблазнительные образы, всплывшие в памяти. Губы его сжались в тонкую линию:

— Боюсь, Мы не можем дать то, чего желает Чиновник Бюро.

— Не можете или не хотите? — Человек позади него словно взбесился от этих слов. Он одной рукой схватил Инь Чэньюя за подбородок, заставляя повернуться и посмотреть ему в глаза, в которых теперь бушевала темная ярость: — Или же... Ваше Величество тоже презирает меня, кастрата, и считает недостойным своего общества?

Всякий раз, когда Сюэ Шу злился, он переставал называть себя «слугой» и ядовито цедил «я».

Инь Чэньюй никогда не потакал его дурной привычке дерзить в гневе. Подбородок нестерпимо болел от жесткой хватки. В ярости он рванулся, пытаясь сесть, и выругался:

— Ублюдок!

Маленький евнух, дежуривший снаружи, услышал шум и осторожно вошел в спальню.

— Ваше Высочество проснулись? - тихо спросил он из-за полога. - Сейчас только четвертая стража.

Инь Чэньюй не сразу пришел в себя. Поняв, что это был лишь сон, он потер виски и устало произнес:

— Ничего. Можешь идти.

Услышав это, евнух на цыпочках удалился.

Но Инь Чэньюю сон больше не шел.

Уже три ночи подряд ему снились прошлая жизнь и Сюэ Шу.

Если все пойдет как в прошлой жизни, то через три дня Сюэ Шу оскопят и отправят во дворец. За следующие пять-шесть лет он из самого незаметного евнуха поднимется до начальника Западного Бюро. Обретя безграничное доверие императора и огромную власть, он сможет даже влиять на престолонаследие. Недаром люди будут звать его Цзю Цянь Суй – Девятитысячелетний.

А еще через три месяца император и сторонники Второго принца нанесут по нему удар. Сначала семью его матери, Юй, втянут в дело о коррупции, и весь род будет казнен. Затем потрясенная императрица-мать родит раньше срока – погибнут и она, и дитя. Его самого лишат титула наследного принца, и из благороднейшего наследника державы он превратится в отверженного изгнанника, заточенного в императорской усыпальнице, в полной изоляции и без всякой помощи.

Так будет продолжаться, пока Сюэ Шу не вернет его ко двору.

Изначально их связывала лишь сделка, лишенная чувств, чистый взаимовыгодный расчет. Но годы близости, разделенные жизнью и смертью, наполнили эти отношения сложной, тяжелой глубиной.

Получив этот второй шанс, Инь Чэньюй не хотел вновь связывать свою судьбу с Сюэ Шу.

Но каждую ночь темные, полные упрямства глаза Сюэ Шу вставали перед его мысленным взором, и в ушах снова и снова звучал насмешливый вопрос: «Ваше Величество тоже презирает меня, кастрата, и считает недостойным своего общества?»

«Ваше Величество тоже презирает меня, кастрата, и считает недостойным своего общества?»

Эти полные самоуничижения слова Сюэ Шу сказал ему лишь однажды.

Казалось, Сюэ Шу никогда не стыдился своего положения евнуха. В постели он всегда был властным и напористым, и даже лишенный мужского естества, он находил бесчисленные способы заставить Инь Чэньюя сдаться и молить о пощаде.

Но при этом Сюэ Шу ни разу не разделся перед ним.

Если вдуматься, значит, все же это его задевало.

И вот теперь шанс изменить судьбу Сюэ Шу был прямо перед ним.

Инь Чэньюй раздраженно поднялся с ложа. Он долго стоял у окна, вдыхая прохладный ночной воздух, пока наконец не успокоился.

Искать или не искать?

Сегодня был пятый день двенадцатой луны семнадцатого года правления Лунфэн. Сюэ Шу как-то упоминал, что его оскопили восьмого числа двенадцатой луны в цаньши – специальном помещении для этой процедуры. После этого он дал серебра, чтобы подкупить одного старого евнуха, и тот провел его во дворец.

Восьмой день двенадцатой луны – это праздник Лаба. День особый, поэтому Инь Чэньюй, хоть и услышал об этом лишь раз, запомнил крепко. Вот только в столице Ванцзин было несколько таких цаньши, и он не знал, в какую именно отправился Сюэ Шу.

Если он решит искать, придется приложить немало усилий.

Но стоило ему вспомнить, как жестоко порой обращался с ним Сюэ Шу в прошлой жизни, как гнев и обида тут же брали верх, мешая принять окончательное решение.

Постояв еще некоторое время у окна, Инь Чэньюй снова лег.

Но и этот сон был беспокойным – события прошлой жизни калейдоскопом проносились в его сознании. Наутро Инь Чэньюй проснулся с тяжелой головой, а под глазами залегли густые темные тени.

Его и без того не вполне окрепшее после болезни тело казалось еще слабее. Прикрывая рот ладонью, он несколько раз кашлянул и позвал своего доверенного евнуха, Чжэн Добао.

— Ваше Высочество, отчего ваш кашель усилился? — Чжэн Добао, едва войдя, услышал приглушенное покашливание, и на лице его тотчас отразилось беспокойство. Твердо держа в руках чашу с лекарственным отваром, он уже торопил младшего евнуха бежать за придворным лекарем.

— Ничего страшного, просто вчера ночью я немного постоял на сквозняке, — Инь Чэньюй взял чашу и одним глотком выпил горький отвар. Промокнув уголки губ платком, он подозвал Чжэн Добао: — У меня есть к тебе другое поручение.

Чжэн Добао наклонился, и, выслушав принца, выглядел крайне удивленным. По его лицу было видно, что он хочет задать вопрос, но не решается.

Инь Чэньюй был не в настроении и не желал вдаваться в объяснения, поэтому лишь махнул рукой:

— Как можно скорее.

Видя это, Чжэн Добао ничего не оставалось, как подавить свои сомнения и поспешно выйти, чтобы заняться делом.

Уж если и расспрашивать о цаньши в столице Ванцзин, то кто может знать о них лучше, чем сами оскопленные евнухи?

Великая Янь существовала уже более двухсот лет. Изначально положение евнухов при дворе было крайне низким: им запрещалось учиться грамоте и тем более вмешиваться в государственные дела. Но время шло, группировки гражданских чиновников при дворе набирали силу, и императоры, стремясь ограничить их влияние, все больше доверяли и полагались на своих приближенных слуг-евнухов. В итоге во дворце не только учредили Внутреннюю Школу (Нэйшутан), где евнухов обучали чтению и письму, но даже позволили им участвовать в государственных делах, что привело к неуклонному росту их власти и влияния.

В наши дни глава двадцати четырех придворных ведомств, Главный евнух Департамента Церемоний (Сылицзянь), держал в своих руках право утверждать указы алой кистью (пихун), и даже глава Кабинета Министров (Нэйгэ) должен был обращаться к нему со всем почтением. Евнух-секретарь (бинби тайцзянь) возглавлял Восточное Бюро (Дунчан), которому была вынуждена подчиняться даже Императорская Гвардия (Цзиньивэй).

Власть евнухов достигла небывалого расцвета.

Люди всегда гонятся за выгодой. И хотя само слово «кастрат» звучало уничижительно, жажда наживы брала верх, и все больше и больше простолюдинов добровольно подвергали своих сыновей осклоплению и отправляли их во дворец в надежде на богатое и знатное будущее.

В императорском дворце Великой Янь не было своего помещения для проведения процедуры осклопления. Всех дворцовых евнухов набирали извне опытные старшие евнухи. Поэтому в столице Ванцзин открылось множество цаньши. Если семья была хоть немного милосердной, ребенка отправляли в одно из таких специализированных заведений. Но встречались и те, кто был настолько жесток и скуп, что жалел денег и обращался к коновалам, которые осклопляли мальчиков так же, как скот, оставляя их жизнь и смерть на волю Небес.

Чжэн Добао, следуя приказу Его Высочества, тайно разослал несколько человек на поиски. Два дня они обыскивали все цаньши столицы, большие и малые, но так и не нашли того юношу, о котором говорил принц.

Видя, что праздник Лаба неумолимо приближается, а искомый юноша так и не найден, евнуху ничего не оставалось, как испробовать последнее средство: он приказал своим людям

расширить район поисков и проверить также дома тех ремесленников, что занимались оскоплением скота.

Три дня пролетели незаметно.

Великая Янь возродила древние ритуалы и следовала обычаям прежней династии: каждый год в праздники Личунь, Юаньсяо, Дуанью, Чунян и Лаба проводились торжественные церемонии, а за Южными Вратами (Умэнь) устраивался пир для всех сановников двора.

По обычаю, император должен был присутствовать на пиру вместе с сановниками, дабы выказать им свое расположение. Но император Лунфэн никогда не любил общаться с чиновниками и потому, естественно, переложил эту обязанность на Инь Чэньюя, который к тому времени уже принимал участие в государственных делах.

Инь Чэньюй был старшим сыном императрицы (ди чжанцзы), а его дед по материнской линии, Юй Хуайань, – главой Кабинета Министров. Едва ему исполнилось семь лет, его провозгласили наследным принцем, а к четырнадцати годам он уже участвовал в придворных делах. С раннего детства его воспитывали как будущего правителя. Рано осознав, какая огромная ответственность лежит на его плечах, он был чрезвычайно строг к себе, не позволял ни малейшей слабости или расслабленности и всеми силами старался быть в глазах подданных идеальным наследником.

Любые поручения императора Лунфэна, большие или малые, он выполнял со всем усердием, не считаясь с личной выгодой или потерями.

В прошлой жизни в это самое время он из-за переутомления простудился и тяжело заболел. Болезнь все не отступала, и он пролежал в постели десять дней. Едва успев немного оправиться, он получил указ императора Лунфэна, возлагавший на него всю ответственность за проведение праздничного пира в честь Лаба.

Будучи наследным принцем, он должен был разделять заботы правителя и помогать отцу, поэтому у него не было причин отказываться. Превозмогая болезнь, он принял и это поручение.

В результате после пира в честь Лаба его состояние ухудшилось, поднялся сильный жар, и он целых два дня пробыл без сознания. Хотя позже он все же выздоровел, его здоровье было серьезно подорвано, и с тех пор его часто мучили головные боли.

Тогда, в своей юношеской гордыне и упрямстве, он, несмотря на явное недомогание, не показывал и вида, и даже продолжал благодарить отца-императора за оказанное доверие, подыгрывая Лунфэну в этой комедии о любящем отце и почтительном сыне.

А что же было на самом деле?

Он был сдержан, следовал всем ритуалам, во всем стремился к совершенству, и его слава среди чиновников и простого народа росла день ото дня. Прибавьте к этому поддержку могущественной семьи матери – и его авторитет стал почти затмевать авторитет самого императора. Неудивительно, что он давно стал для Лунфэна бельмом на глазу, занозой, которую тот жаждал вырвать как можно скорее.

Поэтому позже, когда его старшего дядю по материнской линии ложно обвинили и втянули в дело о контрабанде соли, а вместе с ним и деда, и всю семью Юй, император Лунфэн, несмотря на все просьбы Инь Чэньюя о тщательном расследовании, даже не стал утруждать себя разбирательством и поспешно вынес обвинительный приговор.

В конце концов, семья Юй пострадала лишь из-за него. Угрозой, которую император Лунфэн с самого начала хотел устранить, был он сам – Инь Чэньюй.

Правитель и подданный, отец и сын.

Сначала – правитель и подданный, и лишь потом – отец и сын.

К сожалению, эту простую истину Инь Чэньюй по-настоящему понял лишь в тот самый миг, когда его лишили титула наследного принца.

Поэтому, получив второй шанс, он не собирался вновь становиться почтительным сыном, разделяющим отцовские заботы.

Пока эти мысли проносились в его голове, Инь Чэньюй с улыбкой отклонил тост министра кадров (либу шаншу). Он прикрыл рот рукой и несколько раз кашлянул. На его бледном, как снег, лице проступил легкий румянец, отчего он выглядел еще более больным и слабым.

Подняв стоявшую перед ним чашку с прозрачным чаем, Инь Чэньюй улыбнулся и сказал:

— Я в последнее время нездоров, и мне не следует пить вино. Позвольте мне выпить с господином Лу чашку чая вместо вина.

Лу Цзин несколько раз повторил, что не смеет, и, осушив свой кубок, вернулся на место. Там он вздохнул, обращаясь к сидевшему рядом заместителю министра кадров:

— Наследный принц поистине усерден. Даже будучи болен, он помнит о нас, своих подданных. Не то что тот... – Он незаметно кивнул в сторону восточного дворца и одними губами прошептал: – Намного лучше, не правда ли?

Пир в честь праздника Лаба изначально задумывался как знак расположения монарха к своим сановникам. Но император Лунфэн больше доверял евнухам; к тому же, он помнил, как его предшественник, император Сяо-цзун, вел крайне распутную жизнь, однажды даже отнял жену у одного из своих сановников, и тот попытался убить императора прямо во время пира. Поэтому Лунфэн относился ко всем чиновникам двора с большой настороженностью.

За исключением первых двух лет своего правления, император Лунфэн больше ни разу не появлялся на подобных пирах. Так продолжалось до тех пор, пока не подрос наследный принц, которому и было поручено представлять на них императорскую семью.

Такое явное подозрение со стороны монарха, конечно, задевало сановников. Они не смели выражать недовольство вслух, но в душе затаили обиду. К тому же, император Лунфэн, хотя и не был столь же распутен, как император Сяо-цзун, отнюдь не являлся и мудрым правителем. Способности его были весьма заурядны, он предавался чувственным удовольствиям и часто пренебрегал государственными делами. Если бы не наследный принц, которого рано провозгласили преемником, и не первый министр Юй, твердой рукой возглавлявший Кабинет, при дворе давно бы уже воцарился полный хаос.

Чиновники переглянулись и молчаливо согласились больше не развивать эту опасную тему.

Но в душе оба подумали одно и то же: к счастью, у них есть еще наследный принц.

Инь Чэньюй намеренно показал на пиру свою слабость. Сановники наперебой выражали ему свое беспокойство и убеждали беречь здоровье, после чего больше никто не подходил к нему с тостами. Инь Чэньюй был рад воцарившейся тишине. Он сидел, держа в руках маленькую грелку для рук, и время от времени отпивал чай.

Теплый чай приятно согревал изнутри, и он с удовольствием прикрыл глаза.

Это было куда лучше, чем в прошлой жизни, когда он, изо всех сил скрывая болезнь, вынужден был пить хмельное вино чашу за чашей.

Пир был в самом разгаре, когда в зал поспешно вошел Чжэн Добао. Он наклонился к уху принца и тихо доложил:

— Ваше Высочество, человека нашли.

Инь Чэньюй слегка оживился. Увидев обращенные на него любопытные взгляды сановников, он подсознательно хотел было сказать: «Обсудим после пира», но тут же вспомнил, что ему вовсе незачем жить так, как в прошлой жизни. Поэтому он просто взял свою грелку, поднялся и, кивнув смотревшим на него сановникам, произнес:

— Мне немного нездоровится, поэтому я покину вас раньше. А вы, господа, продолжайте

веселиться.

Попрощавшись с сановниками, он направился обратно в Восточный Дворец. Сев в паланкин, Инь Чэньюй приказал Чжэн Добао:

— Рассказывай подробно.

Чжэн Добао, сложив руки на коленях, присел рядом на скамеечку. Выражение его лица было трудноописуемым:

— Ваш слуга, следуя вашему приказу, господин, обыскал все цаньши в столице, большие и малые, но так и не нашел молодого господина Сюэ. Позже, уже от безысходности, пришлось расширить район поисков и отправиться к тем ремесленникам, что занимаются оскоплением скота...

И кто бы мог подумать, именно там его и нашли.

— Вот только место... — Чжэн Добао нахмурился. — В доме этого ремесленника Лю поистине грязно и мерзко, я не хотел беспокоить Ваше Высочество по такому поводу. Но наши люди не смогли уговорить молодого господина Сюэ пойти с нами, а применять силу мы побоялись, чтобы не ранить его...

Чжэн Добао был приставлен к Инь Чэньюю самой императрицей и знал принца почти с пеленок. Он понятия не имел, когда и при каких обстоятельствах наследный принц успел познакомиться с этим человеком, и уж тем более не мог угадать его намерений, а потому не решался действовать опрометчиво.

Тем временем паланкин уже достиг ворот дома ремесленника Лю.

Чжэн Добао поднял занавеску паланкина и осторожно помог Инь Чэньюю выйти.

Едва войдя во двор, Инь Чэньюй глубоко нахмурился.

Чжэн Добао, упоминая ремесленника, занимавшегося оскоплением скота, побоялся оскорбить слух принца и не стал вдаваться в подробности, но Инь Чэньюй и без того все знал.

В прошлой жизни, когда его только-только вернули во дворец, он еще сильно нуждался в поддержке Сюэ Шу. Чтобы ненароком не задеть больную для того тему, он постарался досконально изучить все, что касалось жизни и быта евнухов. Он знал, что евнухи должны пройти процедуру оскопления, знал, что место, где это делают, называется цаньши, но даже представить себе не мог, что цаньши, о котором так небрежно упоминал Сюэ Шу, на деле окажется таким убогим и грязным местом.

Дом ремесленника Лю состоял всего из одного двора. По две комнаты располагалось спереди и сзади, а в маленьком дворике между ними сушилось несколько пожелтевших, грязных одеял, испускавших слабый, но отвратительный запах. И посреди этого двора сейчас стоял Сюэ Шу, еще совсем юноша. За его спиной виднелась дверь в боковую комнату, она была распахнута, и можно было смутно разглядеть ее убранство.

В тусклой комнате не было окон, только деревянная кровать, застеленная такими же пожелтевшими грязными одеялами. У изголовья и изножья кровати свисали веревки.

Это и был тот самый примитивный, убогий цаньши.

Сердце Инь Чэньюя словно сжали невидимые тиски – стало кисло и горько на душе.

Но когда он снова взглянул на Сюэ Шу – одетого в простую холщовую одежду, с лицом, полным настороженности и затаенной враждебности, – досада и горечь сменились гневом.

— Связать его и привести ко мне.

Сказав это, Инь Чэньюй резко развернулся, покинул грязный двор и вернулся в свой паланкин.

Стражники, получив приказ, немедленно приступили к делу. Они собрались с духом, готовые к серьезному сопротивлению – этот юноша хоть и выглядел тихим и неприметным, но действовал на удивление быстро и беспощадно: когда они только нашли его здесь, он при первой же стычке умудрился ранить одного из стражников.

Но, к их величайшему удивлению, на этот раз юноша не оказал ни малейшего сопротивления.

Начальник стражи крепко-накрепко связал его веревками и только тогда наконец вздохнул с облегчением.

<http://bllate.org/book/13382/1190720>